

«Нет, я не созерцатель...»

Анна КУЗНЕЦОВА

**У Ольги Барнет, актрисы
Художественного театра
имени А. П. Чехова,
у входной двери около
звонка на лестничной
клетке висит... Карлсон,
нелепый тряпичный
карлик с большой
головой и круглыми
глазами...
На счастье?
Из оригинальности?
Вместо визитной
карточки?**

— Просто на помойке нашла... Жалко стало. Существо ведь!

Из открытой хозяйкой двери на меня дружелюбно набросился большой серый пес Матвей, явно не дворянских кровей.

— И его выбросили. Сначала просто выносила в подъезд еду. А потом он стал приходить, как домой. Прогнать не смогла. Теперь и Карлсон, и Матвей наряду с котом Киссинджером равноправные члены семьи. Совладельцы уютной актерской квартиры, где чудная старинная мебель, много книг, масса разных красивых вещей и безделушек. Я привыкла делить наши невеликие городские квартиры на просто жильё и... дом, где возникает особая атмосфера тепла и благорасположенности, где кажется, что здесь думают не только о себе, но и обо всех сюда пришедших.

— А что, как вы думаете, дала вам судьба? — спрашиваю у актрисы.

— Родителей дала... Способность любить...

Отец Ольгин — известный кинорежиссер Борис Барнет, создатель многих талантливых советских лент («Окраина», «Подвиг разведчика»), умер, когда девочке было всего 12 лет. Но в наследство оставил ей свои фильмы, пример высокого профессионализма. Мама, красавица-актриса вахтанговского театра Алла Казанская, до сих пор рядом с дочерью.

От родителей, конечно же, у Ольги ранняя предрасположенность к актерской профессии. Другого дела ей судьба не предназначала. Её человеческая и театральная жизнь внешне идет как бы по прямой, без особых катаклизмов и потрясений.

Щукинское училище... Успешный показ во МХАТе: «...Помню, надела платье с голой спиной, играла миссис Чивли из «Идеального мужа» Оскара Уайльда, очень хотелось понравиться Олегу Ефремову, в моем представлении это был супер-мужчина, наверное, понравилась и ему, и мхатовским старикам, страшно говорить, подумают, что и мне — 100 лет... Но еще двадцать лет назад многие из них были живы, в комиссии сидели Тарасова, Степанова, Яншин, Кторов, Массальский, Петкер, Андровская... Приняли!

Красивая, статная, она, может быть, и не сразу, но стала необходимой на прославленной мхатовской сцене. Играла и Анниньку и Любеньку в «Господах Головлевых» со Смоктуновским (ставил спектакль Лев Додин), у Камы Гинкаса была занята в «Вагончике» и в «Тамаде», во многих спектаклях играла, сейчас вот играет Ольгу в «Трех сестрах», американскую туристку в «Мишином юбилее».

Те, кто видел этот мхатовский спектакль, наверняка запомнили ее, барметовскую героиню, которая смешно путает английский язык с русским, а, главное, ничего не понимает во

встретившихся ей тут, в России, нравах и жизни. Именно за эту роль Ольга Барнет стала лауреатом фестиваля «Театральные вечера «Вечерки» как лучшая исполнительница женской роли.

А лучшей своей ролью она считает почти эпизодическую в раннем спектакле «Иван и Ваня», где играла колхозницу без имени и почти без слов. У нее была там одна фраза: «Огурцы — не дрова, ждать не могут...». Но она столько нафантазировала про эту девчонку и про ее ненаписанную автором любовь к герою, что главные участники попросили... снять ее с роли, она отвлекала на себя внимание, вызывала аплодисменты в неположенных по действию местах, срывала им спектакль.

— Талантлива, говорите?! Не знаю. Скорее не соглашусь с вами. Я вот тут читаю одно интервью с известной актрисой, так она про себя пишет: «От меня исходит аура добра и света (!)». Вы хотите, чтобы и я про себя так думала?

Актеру, конечно, важно быть известным, узнаваемым, было бы глупо это отрицать. Но популярность часто работает против актера. Появляется эстрадная манера поведения на сцене. Вызвездиться... — это так зыбко, так опасно. И это мне не нужно. Кино, например, не нужно! Не мое это! Хотя в начале пути были роли в «Солярисе» у Тарковского (я там мать героя, которого играл Банионис), у Эфроса в телевизионном фильме «Ромео и Джульетта» (Гафт — Капулетти-отец, я — мать).

Мне все в кино не нравится, уже лет 10 отказываюсь от предложений. А, может, это и есть линия наименьшего сопротивления, которую я, по маминим словам, всегда выбираю. Я ленива. Люблю лежать и... просто думать. Книжки люблю читать. Никак не могу остановиться, все покупаю и покупаю книги. Ну, как не купить введенного лишь недавно в обиход писателя-эмигранта еще первой волны Гаэто Газданава?! Замечательный трехтомник... Или появившуюся на прилавках книжку про Брынцалова? Одни фотографии чего стоят! Он с женой в охотничьем зале... она в горностах, горничная перед ними стоит! Или: они ананас едят... Отдала друзьям посмотреть. Будем передавать друг другу по цепочке. Пусть посмотрят. В библиотеку она не вернется, нечего засорять... Купила мемуары Андреевой-Бальмонт...

...Нет, я не созерцатель. Скорее — невмешатель. Притворства нет. Хитрить не умею. Чистоту в доме люблю. Если в квартире не убрано, мне плохо, я начинаю нервничать, ничего не могу делать. Хотя это, конечно, не есть смысл моей жизни. А самое большое счастье — на пару месяцев вырваться из Москвы, уехать к себе в деревню Дорофино под Суворовым в Калужской губернии, где я недавно дом купила. Далековато от Москвы, 240 километров. Но это и счастье! Сидишь на взгорке, туман по земле стелется, роща, тишина, покой... И ты переселяешься в другое пространство. Грибы... Ягоды... Красота... Тишина...

Мы сидим с Ольгой Барнет в ее маленькой почему-то с кривыми стенами кухне, пьем кофе. И я чувствую, как постепенно забываются здесь житейские тревоги и беспокойства, толпа в метро, лавки, лавки, лавки... — все на продажу. Уходят суета и беготня... В них я неизбежно включусь, когда отсюда выйду, а пока...

Ольга Барнет